

УДК 398.1

РАСКАЗЫ О КЛАДАХ В ФОЛЬКЛОРЕ БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ¹

Н.С. ПЕТРОВА

Московская высшая школа социальных и экономических наук

На материале фольклорных экспедиций, проходивших в рамках проекта «Адаптивные механизмы культуры русско-белорусского пограничья: судьба народной традиции в меняющемся мире» в Витебской области Беларуси и Смоленской области России, а также по архивным и опубликованным источникам из Смоленской, Псковской, Брянской областей эстонского Причудья рассматриваются рассказы о кладах. Подобные тексты относятся, с одной стороны, к мифологической прозе (сюжеты о поиске клада в купальскую ночь, о заклятых кладах), с другой – вписаны в контекст устной истории (сюжеты о панских, еврейских, французских кладах). Распространенные способы классификации подобных текстов по персонажно-предметному принципу (например, по типам кладов или их владельцев) оказывается достаточно ограниченным для компаративных исследований. Более продуктивным для этих целей представляется использование структурно-семантических классификаций.

Ключевые слова: фольклор, традиционная культура, белорусско-русское пограничье, рассказы о кладах.

В рамках исследовательского проекта «Адаптивные механизмы культуры русско-белорусского пограничья: судьба народной традиции в меняющемся мире» фольклористы из Российского государственного гуманитарного университета и Института славяноведения РАН (Москва) проводили в 2013–2015 гг. экспедиционную работу в Смоленской области России и Могилевской (совместно с белорусскими коллегами) и Витебской области Беларуси. Среди фольклорных текстов белорусско-русского пограничья, отражающих современное состояние традиционной культуры, можно назвать рассказы о кладах – сложные в жанровом отношении нарративы, относимые частично к мифологической прозе (сюжеты о поиске клада в купальскую ночь, о заклятых кладах), частично – к историческим преданиям (сюжеты о панских, еврейских, французских кладах).

Зафиксированные нами сюжеты (примеры текстов см. в приложении) достаточно разнообразны (есть тексты купальского цикла о поиске цветка папоротника, способствующего обогащению; о кладе, являющемся людям в виде животного; о сокровищах – золотой карете, золотых или просто блестящих музыкальных инструментах, спрятанных отступающими французскими войсками или даже самим Наполеоном; о различных ценностях, случайно найденных местными жителями), что в принципе характерно для рассказов о кладах. Распространенной среди исследователей является точка зрения, что эта вариативность определяется многообразием типов кладов (выступающих иногда не пассивными объектами, воплощающими богатство, но достаточно активными мифологическими персонажами, показывающимися людям в разных обликах и с ними взаимодействующими – манящими, обманывающими) или же их владельцев [1, с. 109; 2, с. 88; 3, с. 77]. Эти же критерии зачастую лежат и в основе классификаций рассказов о кладах (например, при их публикации).

На примере наших полевых записей, архивных материалов (экспедиционных материалов 1920–1960-х гг. из эстонского Причудья – региона, непосредственно не относящегося к белорусско-русскому пограничью, но территориально к нему близкого), опубликованных текстов о кладах из Смоленской, Псковской, Брянской, Гомельской, Витебской областей рассмотрим, насколько такой подход продуктивен для компаративных исследований фольклорных традиций.

Начнем с персонажей-владельцев кладов как основания для выделения различных групп текстов и их сюжетных вариаций. На первый взгляд, между ними мало общего: пан Назимов, под амбаром которого ищут зарытое золото [4], Наполеон, при отступлении утопивший золото в болоте у деревни Бухово или бросивший свою золотую карету где-то на Смоленской дороге [5], «дзед старый, бывала золата ў яго» [6], барин, священник, мельник, разбойник, княгиня Ольга [3, с. 78], монах, заклявший клад словами: «Коль далёко мой голос слышен, столь далёко деньги уйдите» [7], Карл XII, при отступлении спрятавший бочки с золотом и золотую карету [8], черт, отпугнувший мужика от открывшегося тому клада видением горящей деревни [9].

Присмотревшись пристальнее к перечисленным персонажам, мы понимаем, что все они (а не только собственно демонический черт) так или иначе являются воплощением «чужого» по отношению к героям по-

¹Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-24-01004 «Адаптивные механизмы культуры русско-белорусского пограничья: судьба народной традиции в меняющемся мире»).

добных рассказов – «простым» крестьянам: по социальному статусу, по этническому признаку, по материальному положению. «Чужое» богатство воспринимается с опаской, часто оно пугает героя, требует жертву, не приносит кладоискателю особых благ или вовсе не достается ему (например, клад уходит под землю).

Интересен «социологический» подход к истолкованию такого негативного отношения к богатству в традиционной сельской культуре. «У негорожанина деньги появляются от случая к случаю... и наличие их у него, на взгляд извне, как бы необязательно», – заключает К. Богданов свой обзор денежной ситуации в ориентированной скорее на натуральный обмен деревне [10, с. 274]. Н. Петров и А. Мороз также видят в специфике сельской повседневности причину мифологизации богатства: «Человек богатый как фигура нетипичная для села воспринимался (а отчасти воспринимается и по сей день) как приобретший богатство неправильным или несправедливым путем, часто не без участия потустороннего мира» [11, с. 120].

В связи с этим даже вполне «реальные» клады (например, найденные на огороде местного жителя [12] либо предполагающееся захоронение ценностей прежнего владельца поместья в могиле «пани» [13²]) приобретают в рассказах отчасти мистическую окраску. Что любопытно, практически любые клады локализованы в «пограничных» местах, воспринимающихся в фольклоре как контактные зоны между миром людей и потусторонним – в лесу, на болоте, в заброшенных домах, в могилах.

Тем не менее деление кладов на «более» и «менее» мифологичные лежит в основе ряда публикаций рассказов о кладах, когда в один раздел помещаются исторические предания о кладах, связанных с конкретными историческими персонажами (Степан Разин, Емельян Пугачев, Иван Грозный) или обобщенными социальными, этническими группами (богачи, татары), а в другой – былички о поисках чудесного клада в Купальскую ночь (например, [14]). Публикации, в которых тексты группируются не по жанровым характеристикам, встречаются значительно реже (в качестве примера можно привести сборник [15], посвященный представлениям о пространстве в фольклоре Русского Севера, где «историчность» и «мифологичность» рассказов о кладах не являются определяющими критериями для их помещения в тот или иной раздел).

Принцип вычленения разных типов кладов можно обнаружить и в указателях фольклорных сюжетов и мотивов. Скажем, «Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин» В. Зиновьева [16] содержит только раздел с сюжетами о «волшебных» кладах:

Д 1б Клад показывается в образе женщины (девочки): появляется в доме, при ударе рассыпается золотом; в доме находят шкатулку с деньгами.

Д 1в Клад показывается в образе золотого барашка (человечка, шарика): появляется в доме – под домом находят корзину с золотом.

Д 1д Клад показывается в образе кошечки: появляется в доме – в подполье находят клад.

Д 1у Клад показывается в образе гроба: висит под потолком (находится на печке), падает, в нем оказывается золото.

Д 2 Клад обнаруживает себя звуками: слышится стук (голос: «Лезу, лезу!» или «Отойди — упаду!») – в доме оказывается клад.

Д 3 Клад общается с ребенком: играет с ребенком (выпивает у него молоко), когда родителей нет дома.

Чуть менее строгие рамки отбора рассказов о кладах находим в указателе мотивов финской мифологической прозы Л. Симонсуури [17], где можно найти отсылки и к залятым кладам, и к более «прозаическим»:

Р 001 - 100 Клады в народных верованиях;

Р 101 - 200 Пламя, горящее там, где лежит зарытый клад;

Р 201 - 300 Жертва, условие для получения клада;

Р 301 - 400 Появление клада, духа клада;

Р 401 - 500 Тайком подслушивают жертвенные слова – клад открывается;

Р 501 - 600 Тайники кладов, находки кладов;

Р 601 - 700 Шелковый клад;

Р 701 - 800 Затопленные церковные колокола;

Р 801 - 900 Затопленные медные, железные ворота.

От свойств кладов отталкивается при выделении сюжетно-тематической структуры несказочной прозы о кладах и Н. Котельникова [2, с. 88]:

1. Рассказы о кладах, показывающихся в различных обликах.

2. Рассказы об охраняемых кладах.

3. Рассказы о попытках найти клад и о случайных находках кладов.

² Здесь текст приведен в уточненной расшивке (мы глубоко признательны А.А. Сомину за лингвистические консультации).

4. Рассказы о наказании человека за жадность.
5. Рассказы о зачатых кладах.
6. Рассказы о договоре с кладом.

Чтобы посмотреть, насколько такие схемы позволяют работать с конкретными текстами, возьмем варианты текстов о панском кладе в деревне Погорелье Велижского района Смоленской области:

1 вариант:

[Соб.: Нам говорили, что у пана Назимова, который здесь жил, в работниках черти были?]

[ИАА смеётся].

[БТМ:] Вот это не знаю. Потом сын Назимова этого здесь, по-моему, командовал. У нас же и называется вот Пан... Панское дворище. Вот там вон стоит, оно за магазином.

[ИАА:] Вот там амбар ешё вон... сохранился.

[БТМ:] И амбар яго стоит. [Соб.: Здесь прямо Панское дворище?] Да.

[ИАА:] Да во, прямо, тут не доежая моста налево, против магазина, где...

[БТМ:] За магазином на... и амбар стоит его ешё. Там под низом такая катакомба. Ну, вырыто, и вот такой фундамент высокий с к... с камней з... выложен. Я там внизу была, ходила. И п... часто приезжают, это... ищут там на Панском дворище чё-то. [Соб.: С металлоискателями?] Угу.

[ИАА:] Ну, вдруг чё...

[Соб.: А что ищут? Он закопал что-то?]

[БТМ:] Ну, клад какой-то, у него ж было много, наверно... Золото, может, ищут.

[ИАА, одновременно:] Да чё, может, зарыто что.

[Соб.: Называли как-то тех, кто работал у пана?]

[БТМ:] Я уже не помню. Не помню.

[А когда он был, этот пан?]

[ИАА:] О-о, это было... давно.

[БТМ:] Тоже не помню. Это было давно. [Соб.: До войны или после?] [обращается к ИАА:] До войны, да?

[ИАА:] Да до революции ешё, наверно, был тот пан.

[БТМ:] Может, ешё восемьсот какой-то тоже год...

[ИАА:] А потом тут жил только управляющий, а он где-то жил...

[БТМ:] В другом месте...

[ИАА:] В Петербурге...

[БТМ:] У нас же Витебские... вот это и... наша губе... волости были тогда ешё. [Соб.: Это Витебская губерния была?] Да, Витебская губерния. [4]

2 вариант:

[А не рассказывали, как клады кому-то открылись?]

[ЕНМ не расслышала вопрос:] А про... про ўклады... про ўклады не знаю.

[БТМ:] Не вклады, клады, наэно. [Соб.: Клады.] Клад. Клад. [Соб.: В лесу какой-нибудь там...] В лесу. [Соб.: Зверь показался, потом золотом рассыпался. Не слышали такого?]

[ЕНМ:] Ну, такого не помню, лично со мной ня было, а рассказыу таких было много. То ли праўда это, то ли нет. Ну вот. [А каких рассказов?] Ну таких рассказыу, что было, что рассыпается... А клад, а клад у нас у Погорелье есь и сейчас. Да, да. Вот.

[БТМ:] Где панская земля?

[ЕНМ:] Да. А где ў... помню, где паня похоронена, больше там. Всё ўремя, бывало, идёшь, и там свет горит. Кода ей могилочка там, от прямо щас за клубом. Щас помню, это было до войны. Да. И там и свет горел, и было мы собираемся и смотрим: праўда, горит, горит там огонёк. Там прокапано, прокапано, и там... капличка называлась, капличка, ой щас вспомнила. Ну, и там, говорили, что клад есь. Ну, опять-таки это всё...

[БТМ:] Будем копать.

[А что это за место?]

[ЕНМ:] Ну, место такое, что называют, что клад там есь, клад. [А что там?] А что там... [Там похоронен кто-то?] Что там за клад, там всё, всё возможное может быть, а что – мы-ть не видели. [А там могила чья-то?]

[БТМ:] Панское место, или какое, или довоенное?

[ЕНМ:] Ага, эт... ну, панское, там только па... пана хоронили, паню, помню, [оговаривается] паню. Паню хоронили. Как ей называли я щас ужо забыла, вот, и мы там...

[БТМ:] Насимоў. Пан Насимов, да?

[ЕНМ:] Ой, как-то по-другому яшщё.

[БТМ:] Ну, у мен... у нас есь [нрзб.]

[ЕНМ:] Как-то ага, вроде, ўроде так, потому что тут жа и в Чеплях пан жиў, у Чеплях, и в Селезнях, и ў нас у Погорельи. Они ж больше выбирали, где хорошие земли, красиво, у нас речка, сад был х... очань хороший, во в эьм саду паня похоронена. [В саду?] Так говорили, ну мы ж не видели... [В саду, да?] Это до нас было. [То есь не на кладбище?] Не на кладбище, просто она о... одна тут и ў пан... Даже ў на ко... на кладбище как кто к своим, кто к своим. А это именно тут, и шас это я помню, помню, могилочка там была, и свет там горел, а что там дальше ўнутри, мы там не были, не знаем. [То есь была капличка?] Была капличка. [А под ней была могила?] Да. Ну вот там ка... как-то так, мы видели вот такой, ну как в бункер ход вот такой вот тот, и там с... светится, а что там дальше, мы б... же не были, мы боялись, дети, [гово]рили, что не ходите туда. Не ходите. Но мы всё равно ж, дети есь дети, забегим, отдалю всё равно смотрим, как там э... вроде свечки, вроде свечка горит. [А что это горело на самом деле?] А что там горело – мы ж там не были. Мы боялись туда заходить, огонёк-то там есь, есь, а какой он, из чаго, мы боялись туда идти. [А это видно было прямо из этого хода?] Из ўхода, ага. Входа м... девочками мы посмотрели. [А почему эту пани похоронили в саду, а не на кладбище?] Вот этого ўжо не могу сказать, почаму. Не знаю. [А что с этим местом сейчас?] А сейчас просто там клуб построен. [Прям на этом месте?] Ну, немножко, нем... немножко не на том.

[БТМ:] Травой заро... бурьяном заросло. [То есь ничего нет, никаких следов?]

[ЕНМ:] Да.

[БТМ:] Ничего.

[ЕНМ:] Шас уже не... ўсё зараўнилось.

[БТМ:] Надо б вы мне покажете, тётъ Надь.

[ЕНМ:] Это прямо за...

[БТМ:] Буду с миноискателем искать.

[ЕНМ:] Прямо за... за клубом, прямо за клубом тут. Прямо вот тут это, как раз как у ўхода, туда ниже немножко. Ну и всё. [13]

В обоих интервью речь идет о кладе, приписываемом некогда имевшему в деревне усадьбу пану – персонаже скорее историческом, чем мифологическом. По этому формальному признаку тексты можно бы отнести в разряд исторических преданий, а панский клад обозначить как «реальный». Однако во втором рассказе информант ЕНМ, мимоходом упомянув о «зачарованном» (в терминологии Н. Криничной) кладе, рассыпающемся золотом при соблюдении человеком требуемых условий (накинуть на клад, явившийся в виде животного, вещи, человека предмет одежды или ударить его, или переобуть обувь и т.п.), тут же переходит к другому – панскому – кладу, не делая при этом между ними принципиальных отличий. Если в первом тексте, клад локализован в «катакомбе» под бывшим амбаром, то во втором говорится о могиле и капличке, более связанных с потусторонним миром, чем прозаическая хозяйственная постройка. Кроме того, появляется важный опознавательный знак клада – светящийся огонек, в котором при желании можно усмотреть отсылку к мотиву проявившегося, когда пришло время, клада, что характерно, как правило, для рассказов о кладах зачатых. Если бы мы исходили из принципа классификации по типу клада, нам бы пришлось разнести эти два текста в разные группы (что кажется не вполне оправданным).

Группировка текстов по объектам или персонажам затрудняет вычленение сходных сюжетов рассказов и способствует скорее анализу локальных особенностей (в частности, выявлению наиболее популярных исторических персонажей-владельцев кладов и попыткам найти здесь корреляцию с историческими условиями того или иного региона – скажем, можно понять, почему в псковских записях встречаются истории о кладах, связанные со шведской войной, а в смоленских безусловно преобладает французская тематика), нежели компаративным сюжетными исследованиям. В этих целях кажется более продуктивным структурно-семантический подход, реализованный, например Б. Кербелите, при составлении классификации литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий [18]. Такой подход заключается в выделении в тексте элементарных сюжетов – «таких самостоятельных сюжетов или фрагментов сложных сюжетов, в которых изображается одно столкновение двух персонажей или двух групп персонажей при достижении героем одной цели. Иногда герой сталкивается с объективными условиями или закономерностями» [19]. При этом становится возможным выявление сюжетов, номенклатурно (по персонажам, деталям) имеющих мало общего, но строящихся по единым принципам:

1.1.1.2. Герой добивается, чтобы антипод неправильно оценивал окружение

2) *антипода убеждают, что признаки присутствия / деятельности героя связаны с деятельностью нейтрального персонажа / самого антипода.*

Человек выкапывает клад и уходит, пятясь назад. Позже он встречает незнакомого мужчину, который спрашивает, не видел ли он, кто выкопал клад: есть следы, что два человека подошли, но ни один не ушел.

Человек бьет черта по голове, а тот думает, что его била луна, и говорит, что его не за что бить.

Системы классификаций, по мнению литовской исследовательницы, более эффективны в том случае, когда основываются на понимании назначения текстов. В приведенных выше рассказах важным кажется само маркирование некоего локуса-местонахождения клада как связанного с «чужим» миром, одновременно притягивающего и отталкивающего. Особого желания найти сам клад местные жители в этих рассказах не испытывают (хотя и шутят о поисках клада с миноискателем) – это, скорее, удел новых «чужих» – приезжих кладоискателей.

Кстати, любительская археология, тесно связанная с народной прозой о кладах (В. Лобач отметил, например, воздействие рассказов о французских кладах на актуальную историю локальных сообществ [20, с. 15]), и сама становится катализатором новой волны текстов о взаимодействии «своих» и «чужих», о конкуренции местных и приезжих (либо людей и государства) в поиске сокровищ [4, 5, 21]. Любопытный способ «легитимации» кладоискательства отражен в рассказе одного из наших информантов. Он сообщил, что его дед когда-то был приказчиком у пана, перед отъездом доверившего ему сохранить свои драгоценности. Став лесником, дед никого не пускал в лес, что натолкнуло нашего собеседника на мысль, что именно там и спрятаны сокровища. Поскольку ни сам пан, ни его наследники так и не объявились, он считает себя законным претендентом на спрявленные богатства [21].

Подобные современные тексты, являющиеся способом актуализации традиционных рассказов о кладах, перенесения их из сферы фольклоризованного прошлого в настоящее, требуют пересмотра устоявшихся исследовательских подходов к анализу и классификации сюжетов о кладах и кладоискательстве в фольклоре.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примеры текстов о кладах из архива Лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета

1. [Не рассказывали здесь, что каким-то людям клады открываются? В какую-то ночь. На Купалу?] [Смеется:] Ну, ну это говорачь папоротник как-то... это я не з... не знаю, это я первый [ра]з слышу. [А папоротник – это что?] Ну, такая... ня то цветет... трава такая, разрезная. По-мому у нас он там есь, так я и не вырывала. Папоротник или не... я яго никогда ня видела, но слыхала разговор такой. [А что с ним на Купалу надо делать?] Тоже не знаю. Тоже. [А какой разговор вы слыхали?] Ну, что папоротник этый надо сходить у денадцать часоў, яго рвать или что... и клад ищет. Ну, э... это я не знаю. Может в к... [А когда в двенадцать часов?] Ну, на... на Ивана на Купалу. [Ночью?] Или перед Иваном даже. Да, перед ниж... перед Иваном. Владимирская называется, праздник Владимирская перед Иваном [22].

2. [Не рассказывали, что есть доброхожие в лесу?] Я такое ня слышала, я слышала, говорили много про клады. [Соб. Расскажите, пожалуйста.] Ну а что я расскажу... Я [смеется]... А я расскажу лучше про сябя. Ей... говорють, мне... нам наша сваття говорила, ина ужо лет тридцать, как ўмерла, а ей было... девянос... [о]коло больше ста лет, девяносто два го́ды. И ина рассказывала, есь в поть... под Сяртеи [д. Сертея]... [в]от тут, от нас... глубокий мох. И ў том глубоким имху, говорють, клад закапан. И ниhto яго ни... ниде не найдуть, и... и ниhto яго не искаў. Гоняли гонкі раньшэй... гонкі, ну... [Что такое гонки?] Лес! И вязали... там, во, река, Западная Дьвина. Ааа... и... у ету Западную Дьвину упадаеть Межа, оттуда зь лесу идить река яшшо, тая нямножко меньшей, и ўпадаеть у Западную Дьвину... Дьвину. И гоняли старики гонкі. Гоняли, хто до Витебска, а кто до Риги. У... Ина ж Западная, у Балтийское море ўпадае Западная Дьвина? [Соб.: Ну да.] Вот эта, наша? [Соб.: Да, да, да.] И вот, до Риги гоняли, етой... Дьвиной гоняли зьвязанный лес. Пу... не... не пукам, а просто по одном бряўну, а, може по два, не знаю. И такой боольшие там... ну, не... не преувеличивая дьвести метроў, а може... може там и до полкилометра некотóрый гонóк. И сьвязан клибом [гибкий прут]. Никакие ня проволока, ничóг, а просто клибом. Лес эты, прутча. Бярёзовая, брядовая ўсякая. Крути... крутили... [И связывали?] и сьвязывали яго, и этом... и вот, там девали [оговаривается: должно быть «давали»] деньги им. И это сваты наши гоняли гонкі, иии... там, где-то ў ть... у Риге яны ў столовой обедали, и к им подыйшли люди, незнакомые, и говорють: «Вы откуда, с какой местности?» И яны сказали: «А такое вы знаете? Рудню знаете?» – «Знаем». – «Сяртею знаете?» – «Знаем» – «Ўот там есь глубокий мост...». – Гърють: «Знаем». Вот яны там, якобы хоронили... по... похоронили клад. Ету... волиную... целую волиную шкуру. Волоў же теперь нет, а раньше же волы былі. Какие-то, я не знаю их, там, гърють, больше быкоў. Ну, и... «Слышали, церкву ограбили, ня онну, а дьве?» – «Да». – «Госбанк ограбили, слышали?» – «Слышали». И вот, ето ўсё там, у той шкуре. И, гърють, целая волиная шкура. И сказали, какое... при... приблизительно яны сказали, ищите такое-то место, такая-то примета, вам хватить, и вашим предкам. Бярите етот клад, мол. Ну, как...

как... пожелали яны им. Ну, и яны ходили, искали, нічога яны не нашли. А там у мху глубоким есь клюква. Ну ина очэнь, ина горькая. Я... у... на... на самом низу я не была у мху. А на валу была. Ну, праўда, ён такой это... крутые берега, и туды он... Ну, и вот лю... ето... Етого свата падчэрица была у тэй клюкви и подымалась... и... и случайно обнаружила, ўроде, такое место. Ина прышла... не придала значэня, а кода ўзыйшла на гору, то ина, якобы, ўспомнила: «Айя!» И пошла назад, и место тое не нашла. Вот говорят, кому етый клад пре...пре...ужо предназначэн, только тот та... найдеть, а так... Не каждый яго може знайдить. Люди пытались искать. А мы, лично я, строились мы у Селезнях, строила я... купили дом, и там быў фундамент рядом, други дом раскапан, вместе два дома было. И я захотела на тот фундамент построить, там, кое-что. Ну, дом други, ды и ўсё, корочэ. И пошли мы ў мох. Ну, не туды, ў мох, у тот, у глубокий, а на другом бо... боку. Два зяті у мяне, иии... и я... пошли мох тягать. Мху этага... ето было уторого мая, и была... уторый день Паски. И вот, говорят, в праздничный день надо клад тот искать. Вообще, ня тот, а любый. И пошли мы, я ўзяла пироги ў мяне были напечэны. Я отрезала полбулки пирога, ды... у... у сумку, и пошли мы мох тягать. Мху этого натягали. Ну, вышли на дорогу, постояли, поговорили [поговорили], тады... пошли чэрез дорогу к етому глубокому мху. Ляжить вывороток. Один зять сеў на вывороток, другой стоить, а... а я стою проти, к етому лицом. И еты, другой зять стоить, и тоже лицом сюды. Етый сядить, а мы дву... удвоих [вдвоём] стоём. И... етый пирог мы разломил, и... ядём етый пирог. И етый, который сядить, туды напраўление лицом. Ды вот так... Я так... головой махнула, незначай, тады он опять... Глядь назад – стоить лосица, ко́ло самых нас. [Волчица?] Лосица. Бяз рог, ну, небольшая. Ето, може, два го́ды ей. Н... не тьялёнок, большая, но токо что бязрогая. Я... я етому киваю, тоже, бе... бяз слоў. Во так. А етый так, скрозь зубы: «Щщщ». Ина развьярнулась тихонько, и пошла. Не... Не бягом, ничаго, пошла ў тую сторону. Ну, пошла, и пошла. Мы ўстали, и пошли оттуда, как бягичэ два собаки. Один жёлто-золотистого цвяту. Такей... жёлтый, и... и зьверху вы... в... ворсины такие, выскочыўшие, длинные, и блестящие, а это... а другой – серый. Один за одним с таким лаем. И мне ето даже не на ума, вот я так своим после гьрю: «Это бех [был] клад!» И быў праздник притом. Ну, поскольку, мне дуже [очень] лосицы тэй было жалко, это, чтобы яны погна... это мне так, сразу такая мысль, что яны за лосицей побэгли, а тут, мож, охотники де, коли хошь лосицу тую настигнуть, мяне эта мысль... это ўжо после одумалась, я гьрю: «Это ж клад бех!» А мы... Так я: «Айя!» И побегли туды под Сертеи... з лаем, з лаем, з лаем... Вот столько это было на моём виду. [То есть, эти собаки – это клад?..] Вот на этих собак ти [или] на эту ло... лосицу надо было кидать что-нибудь, это так раньше люди говорили. Ти рямень, ти платок, что-нибудь уж кинуть как-нибудь на их. И гово... и сказать: «Чур, рассыпся на деньги». Вот етый, и ён бы рассыпаўся на деньги, и еты деньги, говорят, котются туды, де клад ляжить. Но это... ўсё... на ўсё надо мгновение и память. А... а мы что... растерялись, и ўсё. И это... не на ўма про етый клад. У мяне одно на ўме, что охотники лосицу убьют. [В какой день вы пошли за мхом?] Второуо мая было. Но это было и вторый день Паски. [В праздники нужно клад искать?] Ну, говорят, да. Так говорили старые люди, что лучше ў праздник. [Вы пришли туда, где мох, где клюква?] Да. [Сели пообедать?..] Мы не п... нь... у... туды не спустились. Мы сядели на берягу, а мох – туды ўниз. Это называется «глубокий мох». Там ён... сильно беряги высокие, а ён там унизу. Я там не спускалась никогда туды. Просто, как-то жутко, я боюсь. [И вы сидели здесь?..] Мы на берягу тут сядели, недалёко от дороги, как дорога вот тут, от нас и ў Сяртею тут дорога, больша, как бы машины ходють, усё... и тут недалёко до... от дороги. И он, етый мох, де-то обóку, а скоко ён туды тянется, я не знаю. [А лосица с какой стороны подошла?] С-под Сяртеи, оттуда. [Из-под Сертеи?] Да, там какая-то тропа по берягу воўсё, ну, ўроде как грибки ходють, там тоже боровики рóдются, растут в этом берягу. Так тропа набитая, как... как люди ходють каждый день. Ина не широкая, ну, тро... и ина шла етой тропой к нам, сюды. А то и развьярнулась, и пошла назад. Ни бягом, ни чаўо... пошла шагом. [А как она выглядела? Большая?] Да ну, во... тёлку лёсошницу вы знаете? Двухгодовую. Вот такая. [Подошла и стояла?] Стояла, ну как чэрез хату, вот такое расстояние от нас. Стоить и глядит на нас. И етый, который видит яе, а мы задом стоём, так, скрозь зубы: «Сьвись». И так она развьярнулась и пошла опять тихонько. Вот такое было, это... а... а что яно там было – я не знаю. И ўот, до сяго дня, и своим я говорю. Я гьрю, ўот чысто клад быў. Я гьрю, мы... ра... просто. Говóрють, ум не приходит в своё время. Ка... ка... как надо. А это бывает мгновение. [Накинуть что надо было на неё?] Ну, что-нибудь с сябе. Любую... [С себя?] Да. Какую-нибудь ч... там... вешшь. Рямень или там... ну, платок. Что, что ты смог бы. [И что потом?] Ну, гóвóрять, рассыплется на деньги. Я ж не знаю, ти так это, ти не так. Ну, так говорили. [А собаки – это кто были?] Собаки обыкновенные. [Просто собаки, которые погнались?] Просто со... да. Жёлтая – меньшая, серая – такая... среднего росту. И пошли, тоже этой стягой [дорожкой]. И... ў туды воўсё... как там было... ти гнали яны тую лосицу... пошли под Сяртею. Ну, лес – есь лес, что там видишь. [Только лосица так может появляться?] Любое. [Любое?] Любое. Любый предмет. Заяц, любое. Любое, гóвóрють. Это ж так старые говорили, я ж не знаю, ета ж... я ж ня бог. [Чем рассыпается? Деньгами или драгоценностями?] Монетама говё... гово-

рють. Монетама рассыпаецца. Вы идите искать у в... у эти... ў праздник, у годовой праздник. [В годовой именно?] Да. Ну, не ў... не ў коммунистичэский. Хоть теперь коммунистоў нет, и пра... праздники ихние ўжо... отвярглі, но... ўсё же. И го... божественные праздники надо. Вы ў бога верите? [Соб.: Да. Было, что выходила не лосица, а олень?] Любое, любое, любое. Человек... ўот, говорила, ўот, де ж... старуха жила, и говорила... были яны ў ясяу... ина жила ў Остопаи [?]. Остопь – это под Заозерьем, по том большаку [большая дорога], по рудняцким, по асфальту тады..., улево там, у ясяу. Тяперь яго нет, того Остопа. Ина з Остопа. Былі яны ў ясяу, у ягодах, и схо... там, с... с други женщиной, и я, гово́рить, крикну ей... разошлись яны... кричу – ня слышит, ня слышно отзъиву, кричу... тая гърить, стоить пень... узлезла на тот пень, ўзлезла на пень, ничог не... коло пня ничог не было... гово́рить, кричала, кричала... Стала с пня с того злазить, а тут, гово́р[ить], человек ляжить. Гово́рить, чысто клад. Я, гово́рить, как подхватила [быстро собралась] убегать [23].

в) [Во время экскурсии по окрестностям д. Бухово КНН-1 привел собирателей на берег р. Дрисы.] Как мне рассказывала бабка, французы кода отступали, они шли с оркестром с той стороны. Оркестр сыграл – может, похороны играл или что, не знаю, – на той стороне. Вот. И всё: и в деревню вошли они без этих инструментов. Ааа звали их, называли вот не знаю, в старые годы всё называли: «золотые музыки». Може потому, что трубы у них начышчэны были, блестели сильно. Понимаете? Или может прав... в самом деле это Наполеона оркестр был, из золота сделанных... инструменты. И вот есь такое прэдание, что этот оркестр они захоронили вон там, в водоёме, утопили трубы. Пойдёмте. Приезжали сюда какие-то, жили три недели. Человек шесть, наэрно, на микроавтобусе. Они всё тут плавали-плавали-плавали-плавали. Не знаю, что они нашли-не нашли... Но они тут всё – вот здесь монету токо достали. [...] [И трубы золотые утопили?] Да, оркестр, говорят, когда отступали, э... сыграл на той стороне в последний раз, а вон там вон есь такая пазуха гнилая лука вот. И бабка говорила, что там утоплены золотые э... музыки. Сказали: «золотые музыки». Так их называли. Вот. [А вот обоз, который, говорили, пропал по дороге – он тоже тут пропал? Или это в другом месте?] Не знаю: он-то в Невеле пропал. [В Невеле?] Да. [В Невеле видели в последний раз?] И всё, в последний раз. Предполагают, что он пошёл на Березину той стороной. Но я думаю, а зачэм ему было идти по такому тракту, де движение большое? Лучше ж, наверно, было им идти там, де потише, по лесу, где спокойней, правильно? И он запросто тут мог пройти. [На Березине такую историю рассказывают – здесь подобного не было? Что Наполеон когда отступал, они тоже там своё это золото...] Ну, [...] в какое-то там озеро-болото бросили, и он шапку кинул – и заросло всё. Болото заросло там, и никто теперь не знает, где.] Знаете, что? [«Ужо вернуса за шапкой»...] Да? Ну, я слышаў не такое. Дык это не... не слышаў – это было в пятьдесят шестом году (я ешчо на свет не родиўся тогда). Э... Той стороной – там ешчо ж есь де проход – чэрэз Перевоз вот этот, там же тоже переправа была. Значить, э... приехали военные. Там одно озеро выше, небольшое, болотистое, а второе ниже. Одно заросшее озеро было, оно там воды мало было соўсем. Вот. А второе – оно бездонное по сей день. Там живёт какая-то это самое, животино, похоже. Вот. А это выше которое озеро окружили колю... колючэй про[в]олкой, сё обцянули, прыгнали какие-то там машины, подобные на краны, и доўго чо-то они оттуда таскали. Нихто по сей день ничыго не знает: ни... никого туда не пустили – понимаете? – подойти. Но там раскопано тое место: видно, что там, де это было возеро небольшое – оно разрыто. Ну говорят, что вытянули золотую карету Наполеонову. Говорят так. А праўда это-непраўда – ну, это люди так думают. Потому что у Перевозе везде слухи ходили, по ўсим деревням: вот тут карета стоит или вот тут стоит. Один говорит: «Вот тут стоит, в болоте утоплена». Второй говорит: «В озере в этом уже советские, это самое, войска ко да были – забрали». Так что... И, возможно, он обоз отправил этой стороной де-то, и под эти курганы, возможно, как писалось там предположение, зарыў все сокровишча, которые вёз с России. Они-то ишчэзли: по сей день нихто не знает, где что делось. А тогда делали так: убивали всех, хто закапывал, солдат всех уничтожали сразу, всё, чтоб свидетелей не было. Оставаўся единственный чловецэк. Вот. Самый преданный, мож, Наполеону который быў. И тот, наверно, я думаю, руки погрёў, да и хорошо погрёў. Так не может быть, чтоб... [Соб.: Бонус-то он должен был получить.] Да конечно! В том-то и дело [5].

г) [Не рассказывали, что вот тут жили евреи, и там клад нужно искать?] Ну, ў принципе, я на Советской жиў, там вот, где прокуратура, пацаном кода быў. Рядом, по соседству, начит, мужик жил, звали ё Бирюк. А Бирюк звали, что он никогда, это, не женился. Вот. И у нё на огороде откопали, начит, клад. Сундук, коўры набиты, серебро, ну, в смысле, столовое. Подсвешники, такое. И глубоко закапано, метра на два, наэрно, было. [Т.е. кто-то специально прятал?] Книги какие-то. [Как же откопали, если он на два метра был? Специально искали?] Искали ребятки, искали ходили, со шупами. [Соб.: Т.е. это не то что там на огороде раньше дом стоял?] Да, че... [Т.е. клад был просто сам по себе там зарыт?] Сам по себе зарыт, да. Дома в основном ставили на старый фундамент. Дома погореўши были, а фундаменты-то что – ничего не стало [12].

Этнакультурная спецыфіка Беларускага Падзвіння ў дыяхронным і сінхронным вымярэннях

д) В 1954 году [...] за кладбищем там сундук вывернули на горе [трактором]. 500 монет, талеров серебряных. 500 штук! Но тогда, знаете, как это было – государство забрали, и всё! 500 талеров, вот такие большущие были монеты! Серебряные [21].

е) Так вот, короче, всё, драгоценности оставил на моего деда пан. И сказал ему сохранить, покуда он не вернётся. Он не вернулся. Может, его убили, может, погиб где. Ну, ни предки его, то есть, ни потомки, не заявлялся никогда. И дед мой умер. Но дед мой в этот лес никого не пускал. Он после пана стал в этом самом... лесником. При советской власти уже. И вот этот лес, который за нашим домом, где вы живёте [собиратели арендовали дом у КНН-1 – ПН], там да, заведовал дед мой этим лесом. И никого туда в лес не пускал, даже людей – идите вон туда, сюда не ходите. Видно, там где-то что-то спрятано, я так понял, поэтому он боялся, что кто-нибудь что-нибудь найдёт. Когда мой дед, его второй родной брат умирал, сказал мне так: «Внучек, когда я умру, ты самый богатый здесь человек будешь». Но увы, дедушка попал в больницу, здесь ещё в Заборье больница была, и приехала к нему его дочь родная. Тётка моя. Он приказал, чтоб немедленно меня к нему доставили. Она сказала; «Нет, ты мне скажи! Зачем тебе этот мальчик молодой», а мне тогда было шестнадцать лет, наверно. И всё, она не позвала меня. И как-то странно – и тётка когда умирала, она приказала мне немедленно к ней явиться чего-то, ну, прощения, я так понял, попросить. Я не попал к ней, она умерла тоже. Ну, в общем, всё там окутано тайной такой, что..., короче, я остался без ничего, хотя я должен был быть очень богатым [21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Криничная, Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры / Н.А. Криничная. – Л. : Наука, 1987. – 225 с.
2. Котельникова, Н. Рассказы о кладах: образы – сюжеты – жанры [Электронный ресурс] / Н. Котельникова // Belief Narrative Genres. Novi Sad: Филозофски факултет. – 2012. – С. 87–94. – Режим доступа: http://www.ff.uns.ac.rs/vesti/aktuelno/2011/BNN_zbornik_konacna.pdf. – Дата доступа: 08.04.2016.
3. Казакова, Л.А. Предания о кладах (по материалам фольклорного архива ПсковГУ) / Л.А. Казакова // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2014. – № 4. – С. 73–80.
4. Интервью с информантами БТМ, женщина 1956 г. рождения; ИАА, мужчина 1940 г. рождения, записано в д. Погорелье Велижского р-на Смоленской обл. в 2013 г. Собиратели: Н.В. Петров, Н.С. Петрова, В.А. Комарова // Архив Лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета (АЛФ).
5. Интервью с информантом КНН-1, мужчина 1958 г. рождения, записано в д. Бухово Россонского р-на Витебской обл. в 2015 г. Собиратели: О.Б. Белова, В.А. Кухтина, Н.В. Петров, Н.С. Петрова // АЛФ.
6. Традиционная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / А.М. Боганева [і інш.] ; ідэя і аг. рэд. Т.Б. Варфаламеевай. – Мінск : Выш. шк., 2013. – Т.6. Гомельскае Палессе і Падняпроўе : у 2 кн. Кн. 2. – 1231 с.
7. Архив Эстонского литературного музея (АЭЛИ). – Ф. ERA VENE, т. 10, запись № 266, с. 323–325. Информант Иван Дмитриевич Козырев, 71 год, записано в д. Дектино Печерской волости в 1937 г.
8. АЭЛИ. – Ф. ERA VENE, т. 10, запись № 25, с. 32. Информант Карл Устав, 69 лет, записано в г. Печеры в 1937 г.
9. АЭЛИ. – Ф. ERA VENE, т. 8, запись № 70, с. 186. Информант Адрейн Васильевич Укусов, 65 лет, записано в д. Городище.
10. Богданов, К. Фольклорный аудит: наличность и персонал / К. Богданов // Фетиш и табу: Антропология денег в России. – М. : ОГИ, 2013. – С. 271–294.
11. Петров, Н. Деньги в мифологических представлениях и обрядовых практиках: современная крестьянская традиция / Н. Петров, А. Мороз // Фетиш и табу: Антропология денег в России. – М. : ОГИ, 2013. – С. 119–146.
12. АЛФ, интервью с информантом ОНР, мужчина 1947 г. рождения, записано в г. Велиж Смоленской обл. в 2013 г. Собиратели: О.В. Белова, В.А. Комарова, А.Б. Мороз, Н.В. Петров, Н.С. Петрова.
13. АЛФ, интервью с информантами БТМ, женщина 1956 г. рождения; ЕНМ, женщина 1933 г. рождения, записано в д. Погорелье Велижского р-на Смоленской обл. в 2013 г. Собиратели: О.В. Белова, А.Б. Мороз. Текст опубликован: Былички Велижского района Смоленской области / Публикация Н.В. Петрова // Живая старина. 2014. – № 3 (83). – С. 15.
14. Мифологические рассказы и поверья Северного Поволжья. – СПб. : Тропа Троянова, 2007. – 496 с.
15. Между мифом и историей: мифология пространства в фольклоре Русского Севера / сост. А.Б. Мороз, Н.В. Петров. – М. : Форум; Неолит, 2016. – 496 с.
16. Клады [Электронный ресурс] / Зиновьев В.П. // Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/zinoviev2.htm#13>. – Дата доступа: 12.04.2016.
17. Симонсуури, Л. Указатель мотивов финской мифологической прозы [Электронный ресурс] / Л. Симонсуури. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/simonsuuri/>. – Дата доступа: 12.04.2016.
18. Кербелите Б. Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий [Электронный ресурс] / Б. Кербелите. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kerbelite1.html>. – Дата доступа: 12.04.2016.
19. Введение [Электронный ресурс] / Кербелите Б. // Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kerbelite2.html> – Дата доступа: 12.04.2016.

20. Лобач, В.А. Война 1812 г. в фольклорной памяти белорусов Витебщины / В.А. Лобач // Живая старина. – 2012. – № 3. – С. 12–15.
21. АЛФ, интервью с информантом КНН-1, мужчина 1958 г. рождения, записано в д. Заборье Россонского р-на Витебской обл. в 2015 г. Собиратели: О.Б. Белова, В.А. Кухтина, А.Б. Мороз, Ф.О. Орлов, Н.В. Петров, Н.С. Петрова.
22. АЛФ, интервью с информантом ГЛЕ, женщина, 1929 г. рождения, записано в д. Осиновица Велижского р-на Смоленской обл. в 2013 г. Собиратели: О.В. Белова, В.А. Комарова, А.Б. Мороз, Н.В. Петров, Н.С. Петрова.
23. АЛФ, интервью с информантом ЕЕФ, женщина, 1935 г. рождения, записано в д. Апонасково Велижского р-на Смоленской обл. Собиратели: О.В. Белова, В.А. Комарова, А.Б. Мороз, Н.В. Петров, Н.С. Петрова. Текст опубликован: Былички Велижского района Смоленской области / Публикация Н.В. Петрова // Живая старина. – 2014. – № 3 (83). – С. 14–15.

STORIES ABOUT THE TREASURE IN THE FOLKLORE OF THE BELARUSIAN-RUSSIAN BORDERLAND

N. PETROVA

At the article on the material of folklore expeditions, which are a part of the project "Adaptive mechanisms of culture Russian-Belarusian borderland: the fate of the folk tradition in a changing world" in the Vitebsk region of Belarus and the Smolensk region of Russia, the stories of treasures are considered. Such texts belong, on the one hand, to the mythological prose (stories about finding treasures in Kupala night, about the cursed treasure), on the other – they are inscribed in the context of oral history (stories about Jewish, French treasures). In my opinion, productive form for the classification of such texts is the structural and semantic approach.

Keywords: *folklore, traditional culture, the Belarusian-Russian borderlands, narratives about treasures.*